

Дмитрий Фурманов

Как убили Отца

Дмитрий Андреевич Фурманов

Как убили Отца

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5735747*

Аннотация

«...Отчего же в эту хмурую хлябь, в гнилую октябрьскую пасмурь так неистово ликует город, черный город Иваново-Вознесенск? Откуда эти праздничные толпы, куда они, ткачи, устремили взволнованный песенный бег?

Просторные улицы, щели-переулки, корявые ладони площадей затонули людскими потоками...»

Дмитрий Андреевич Фурманов

Как убили отца

Над фабричными корпусами, над лабазами, над сизыми колокольнями Воздвиженья, Вознесенья, Покрова встала грузная темень. Гонимые ветрами, мчатся по облачному небу кавалькады набухших дождями туч. Осень-осень... Поздняя, знобкая, переветренная осень...

Отчего же в эту хмурую хлябь, в гнилую октябрьскую пасмурь так неистово ликует город, черный город Иваново-Вознесенск? Откуда эти праздничные толпы, куда они, ткачи, устремили взволнованный песенный бег?

Просторные улицы, щели-переулки, корявые ладони площадей затонули людскими потоками.

Под топот тысяч ног, в такт, выбивают марш:

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

И откуда-то с дальних улиц раздольными раскатами роко-чут бесповоротные клятвы «Варшавянки».

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

Толпы вмываются в толпы, факелы – в факелы, смешались знамена в багровом плеске, катит валами густая черная людская волна...

Против Воздвиженской бледной колокольни, вниз под горку, каменный белый дом: клуб господ приказчиков!

В этот вечер все переулочки тянут тонкие лапки только сюда: в этот вечер у клуба приказчиков людный митинг, городское торжество. Кто-то неведомый скажет и расскажет, как над городами российскими, над полями сермяжными выплыл царский дар:

– Конституция.

– Манифест семнадцатого октября.

Вот откуда и пенная радость города, вот почему и в хмурь и в ветреную непогоду, перекликаясь победными песнями, сомкнулось к клубу людское множество.

Собирался комитет большевиков. Он чуял цену государеву манифесту. Звонкие побрякушки обетов царских ему не застилали чуткий слух. Расцветченные паникадила поповских клятв не заслепили зоркого зора.

Комитет большевиков стоял на посту: сторожил многоголосую детскую радость.

Но даже и в сердца большевистские тонким хрустальным звоном стучала надежда.

Чуялась тревога под строгой мыслью, но радостью звенело жаркое сердце:

«Да-да-да»: и манифест – шаг вперед!!!»

Недаром сегодня о манифесте – какой митинг!

Сегодня все речи – только о свободе!

– Да здравствует свобода!

И эти тысячи, десятки тысяч горожан все в один крик:

– Ура!.. Ура!.. Да здравствует свобода!

Кому теперь какое дело, кто и какую хочет свободу: в эти склизлые октябрьские дни всяк по-своему видит весну.

– Председателя! Выбрать председателя!

И толпа заухала желанные имена. Помчали, заметались, зааукались они меж каменных стен домов, колоколен, заборов. Казалось, и колокол древний что-то смутное гудел в густой вышине, казалось, что-то вскрикнуть рвались хлеставшие по ветру знамена; захлопали факелы судорожными кровавыми языками.

Билась площадь перед белым домом в страстной охоте.

И вдруг на факельную розовую тень всунулось круглое лицо Странника в сивой щетине усов.

По-зверьи сверкнул зеленый взор, остро в тьму всекся вскрик:

– От-ца!

И как слышали теперь накаленные толпы факельников это родное, жданное имя (где ты, имя-пушинка, в тысячелотном гудном реве?):

– О-Отца... Отца... Отца...

Вышел на факельный свет Отец – Федор Афанасьевич Афанасьев, старый ткач.

Знает его весь рабочий люд. Знает и бережно любит. Знает, что был и бился Отец в рабочем Питере, что вступил он на этот путь еще в те далекие дни, когда шли в боевой шеренге незабываемые Петр Алексеев, Степан Халтурин.

Эх, куда, в какую глубь уходят Отцовы дни!

А в первый – первый! – майский в России день были сказаны четыре речи.

Одну из четырех говорил Отец.

Вот он вышел на розовый отсвет огней в черном пиджачке, – пальтишко поверх, – в черных штанах, сдвинута кепка на лоб. Высушили долгие годы нужды и борьбы: худ, сух и высок Отец, как изъеденный ветрами сухостойный клен.

Хилое, старое тело опер на костыль – бодрится и держится прямо, а немочь клонит к земле.

Вот он левой рукой огладил в ожиданье черную в проседи бородину, подергал широко заросшие усы, потрогал старческие, шнуром чиненные очки на крутом носу, – все ревела от радости бескрайной толпа:

– Отца... Отца...

Ссохлось в глубоких морщинках изжитое лицо; казалось, остыло оно в молчаливом, в укрытом горе, но посмотрите, вы гляньте в этот миг на Отца: из впалых, глубоких орбит совсем по-молодому, как у раннего юнца, загорелись чистые

глаза старика... Да и полно, какой он старик: Федору Афанасьевичу нет и полсотни лет.

– Ти-шше! – зычно и резко сорвал Павел Павлыч гам. Павел Павлыч – рядом с Отцом, близкий друг, большевичище: сутул, кряжист и против Отца – как дедушкин внук.

– Ш...ш...ш... Тш...ш... Цс...с...с...

По горке, на Панскую улицу, в переулке зашипело, засвистело в темноте. И вдруг тихо встало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.